

Среднему Уралу). Помимо этого в ней содержалось большое количество ошибок и опечаток. Я послал в Екатеринбург список замечаний на девяти страницах (только по пермской тематике). Указанные замечания исправили, но благодарности от екатеринбуржцев я не получил. Более того, будучи в Екатеринбурге, попросил у С. Постникова скидку на УИЭ, на что он ответил — издание коммерческое. Возникает логический вопрос: если издание коммерческое, то авторам должны были заплатить за статьи и дать бесплатно экземпляр энциклопедии. Ни того, ни другого пермские авторы не увидели.

Вышли только два выпуска «Материалов...». Деньги членам комиссии местные пермские власти дали лишь однажды. При этом их вручали им втайне от меня.

После смерти Ю. Черных исчезла возможность печатать «Материалы...» в издательстве Пермского политехнического института. В конечном итоге остались двое — В. Светлаков (как член комиссии) и я, как «примкнувший» к комиссии. Светлаков планировал издать третий выпуск, посвященный Великой Отечественной войне. Материал был собран и на этом дело остановилось.

Не смотря на все сложности работы в Пермской комиссии, деятельность в ней стала для меня хорошей школой. Я получил опыт написания статей энциклопедического характера. Позднее его широко использовал при создании «Осинской энциклопедии», энциклопедических справочников «Еловское Прикамье» и «Ножовский край», а также при написании статей для Пермской электронной энциклопедии и «Башкирской энциклопедии».

Н. Ю. БЕРДЮГИНА, А. В. СЛЕПУХИН

Эмилий Марианович Сенкевич. Человек. Исследователь. Врач

Продолжающаяся вот уже в течение семи лет экспедиция «Манси — лесные люди» и поиск экспонатов для нашей этнографической выставки приводят порой к поразительным открытиям, позволяют прикоснуться к страницам жизни удивительных людей.

О докторе Сенкевиче мы узнали совершенно случайно. Поиски сведений о манси привели нас в Областной музей истории медицины. Его бывший директор — Александр Дмитриевич Бальчугов — был участником этнографической экспедиции в Ивдельском районе в 1963 г. Оказалось,

что в музее хранится альбом с фотографиями манси, принадлежавший Эмилио Мариановичу Сенкевичу, доктору медицинских наук, страстному охотнику, исследователю. Позднее нам посчастливилось познакомиться с его снохой — женой сына Зигмунда — Тamarой Леонидовной Сенкевич, которая любезно познакомила нас с фотоархивом доктора.

Эмиль Марианович родился в семье Мариана Анастасьевича Сенкевича, участника польского восстания 1863 г., сосланного в Сибирь. О его детстве и юности не сохранилось никаких свидетельств. После окончания медицинского факультета Варшавского университета приехал в Россию и, по словам Тamarы Леонидовны, «чтобы заработать денег», уехал работать объездным врачом на Северный Урал.

Результатом трехлетнего пребывания молодого доктора на Севере стали не только исцеленные вогулы, но и совершенно замечательный труд, названный им «В дeбрях Уральского Севера», опубликованный в середине двадцатых годов в журнале «Уральский охотник», и коллекция уникальных фотографий — свидетельство жизни некогда многочисленного и сильного народа. Его работа и фотоархив представляют собой прекрасный образец этнографических и антропологических наблюдений.

Три года (1905—1907) Эмиль Марианович проработал в Тавдо-Кондинском крае. В его ведении находилась огромная территория. Это верховья бассейнов рек Тавды и Конды с их притоками: Пельым, Западная Сосьва, Лозьва, Немнел, Аах, Ворья, Муломья, Тап, Евра. В то время существовала только одна колесная дорога из с. Пельымского в Гаринское, поэтому летом связь могла осуществляться только по воде. С ноября, когда замерзали болота, оживали зимники, начиналась торговля.

Будучи страстным охотником, Эмиль Марианович большую часть своих записок посвятил описанию способов охоты и рыбной ловли у вогулов.

В верхнем и среднем течении Тавды, по словам Сенкевича, промышляли лося, куницу, белку, рябчика. В этом районе было много медведя, но из-за отсутствия хороших собак вогулы на него практически не охотились. Из-за нашествия медведей местное население терпело огромные убытки — в довоенное время 900—1 000 рублей в год. «Часто медведи разгуливают среди бела дня на улицах, спят в огородах, даже в церковной ограде. Бывали случаи задиранья детей в самом селе», — пишет доктор [1, с. 39].

В этом районе «иногда по зимам бывает много лосей. Так в 1907 г., во время весеннего “чарыма” (наста), в три утра около Малых Гарей было убито более 60 лосей... в ту весну охотники были так не подготовлены к

такой массе лосей, что, за недостатком пуль, стреляли пуговицами! В эти дни были забыты охотничьи традиции, и били лосей даже из-под чужих собак, что в обычное время считается непозволительным... Так, 13-ти летний Пилька, сын Данилы Немельского, убил в ту зиму скрадом 15 лосей» [1, с. 40].

верхнем течении Конды, «один из лучших промышленников всего Тавдо-Кондинского края, Даниил Чекатов из Немнела, убивал ежегодно с двумя малолетними сыновьями около 40 соболей, от 10 до 25 лосей, от 25 до 40 оленей, белки 500-600 штук, рябчиков до 300 пар, глухарей около 100 штук, медведей 1–2 в год, бобров 1–3 в год. Кроме того, они между делом, добывали около 100-200 пудов разной рыбы (главным образом язей и налимов)» [1, с. 41].

В своих записках Сенкевич подробно описывает охотничьи приспособления, встречающиеся у вогулов и русских охотников: ружья, самострелы, луки, слошцы, кулемы. В его архиве есть уникальные фотографии охотничьего снаряжения манси.

Целая глава записок посвящена охотничьим собакам. И это не случайно. «Удача промысла в очень большой степени зависит от качества собак — лаек. Хорошая собака для промышленника — все... несмотря на важность собаки для промышленника на разведение собак не обращается среди туземцев почти никакого внимания... лайки специализируются по природным дарованиям и склонностям...

Собаки в верховьях Конды используются и как упряжные животные, при вывозке сена, клади и вывозке из леса мяса. Сила этих собак и особенно трудовая дисциплина, если так можно выразиться, необычайна. Трудно поверить, как прет какая-либо маленькая захудалая собачонка, прет без понукания, без кнута, без окриков!» [2, с. 33].

Интересны наблюдения за людьми. Во многом наши собственные впечатления после общения с современными манси перекликаются с впечатлениями и воспоминаниями Сенкевича.

Доктор пишет: «Кондинский или верхне-пелымский вогул, прежде всего, кроток, добродушен; немного наивен, всегда легкомыслен, но в то же время с оттенком меланхолии. Тяжелой работы вогул недолюбливает. По натуре он страстный охотник и склонен к увлечению, заметно отличаясь в этом отношении от русского промышленника, никогда не упускающего из вида материальную сторону дела. Вместе с этим вогул скрытен, особенно когда дело касается религиозных верований, ибо до сих пор большинство

вогулов поклоняется своим шайтанам. Имея всегда ровное, слегка меланхолическое, свойственное жителям глухих лесов, настроение, вогул любит все, что возбуждает его психику, т.е. табак и водку. Все они курят и все — охотники выпить при всяком случае, быстро пьянея.

Нерпальские вогулы отличаются более диким и недоверчивым характером... При своих поездках, особенно при поездке в Нерпалы, я столкнулся с большим непредвиденным затруднением, которое не всегда было возможно преодолеть: население было очень недоверчиво, дико и до того боязливо, что нужно было жить по неделям, снискивая расположение и доверие, без которого здесь нельзя сделать шагу» [3, с. 37].

Как и доктор, мы неоднократно сталкивались с тем, что манси очень неохотно рассказывают о себе. Необходимо встречаться с ними не раз и не два, чтобы они начали вам доверять. Очень помогают в этом случае наши рассказы о других манси, фотографии, сделанные во время экспедиций. Но, к сожалению, срабатывает это не всегда. А спирт и водку, которые, несомненно, на какое-то время облегчили бы нашу работу, мы им не привозим.

В сближении с вогулами молодому доктору помог химический опыт: получение порошка двуокисистой ртути (киноварь). А киноварь — «самое могущественное средство вогульской народной медицины, которое знает каждый вогул». Доктор пишет: «этот опыт окончательно убедил вогулов. Точно рушилась какая-то стена, отделявшая нас друг от друга, и сразу пошел разговор совершенно другой.

Через несколько минут вогулы, по своему почину, насильно втащили для осмотра и лечения самого своего “дохтура”, 20-летнего Степанку, из всех сил отбивавшегося от своих односельчан. Я был удивлен и не знал, что это значит.

— Огляди его. У него болит яйцо, — заявили мне окружающие.

После этого я пробыл Касате еще четыре дня и в течение этих четырех дней сделал и узнал больше, чем за весь предыдущий месяц. Расстались мы друзьями. Ямщики касатские отвезли меня в Яхврат-пауль, жили там целый день и своими рассказами подготовили мне почву и в этой, в высшей степени недоверчиво настроенной деревне» [3, с. 41].

И в завершении хотелось бы еще раз процитировать доктора Сенкевича: «Заканчивая описание Тавдо-Кондинского края, я должен сказать, что этот естественный заповедник соболя и бобра уже давно привлекает к себе внимание ученого мира, как местожительство вогулов, сородичей венгров. В 1908 г. их оставалось в относительно чистом виде всего несколько сот

человек, причем все верховья, наиболее интересные в промысловом отношении, оказались заселенными наиболее интересными типами; но они обнаруживали все признаки вымирания.

В свое время я сделал поголовное медицинское обследование всего населения этого края. Интересно знать, что там творится теперь?» [3, с. 44].

Теперь, к сожалению, творится страшное. Манси остались без медицинской помощи. Какой уж там объездной врач! До ближайшей больницы в Ивделе более 100–150 км по тайге, болотам и грунтовой дороге! Манси вымирают. Туберкулез и суррогатный спирт.

Доктор Сенкевич прожил долгую и интересную жизнь. После возвращения с Севера он прошел стажировку в клиниках Парижа, Берлина, Вены. Женился, работал хирургом в войсках Красной Армии, в течение десяти лет возглавлял Красноуфимскую больницу. Долгое время работал в Свердловской областной больнице, защитил кандидатскую, затем докторскую диссертации. Всю жизнь был страстным охотником и написал немало очерков об охоте, охотничьем снаряжении. Он погиб в августе 1953 г.

1. Сенкевич Э. М. В дебрях Уральского Севера (Тавдо-Кондинский край в промысловом и бытовом отношении) // Уральский охотник. 1927. № 1.

2. Сенкевич Э. М. Указ. соч. // Уральский охотник. 1927. № 4.

3. Сенкевич Э. М. Указ. соч. // Уральский охотник. 1927. № 5.

М. С. БЕССОНОВ

Алексей Никифорович Батманов и род Батмановых

Сначала несколько слов об этимологии фамилии. В «Толковом словаре» Даля встречается слово «батман» тюркского происхождения, означающее меру веса, весьма разнообразную — и в 10 фунтов, и в 26 пудов [10, с. 93]. В Интернете фамилия Батманов так и производится от этого слова. У Фасмера есть еще слово «батаман», означающее «домовой» [17, с. 133]. Что более правильно — не мне судить.

Наверное, первое упоминание о роде Батмановых на территории современной Свердловской области мы находим в ревизской сказке Николае-Павдинского завода от 29-го августа 1795 г., входившего в число Богословских заводов (сейчас это поселок Павда Новолялинского городс-